

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. ВУКОВИЧ

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В обширной работе «Соотношение лексических и синтагматических элементов в предложении»¹, пытаясь в специальном разделе установить и определить функции классов слов, я пришел в конце концов к заключению об их иерархической организации. Разделить части речи на самостоятельные и служебные (вспомогательные, вторичные) затем расчленил каждую из этих групп, определить место и функцию каждой части речи с учетом как лексической, так и синтаксической семантики — одна из важнейших задач и в области синтаксиса, и в области общего языкознания. Существующие до сих пор расхождения во взглядах среди наиболее видных лингвистов-теоретиков показывают, сколь важное теоретическое значение имеет эта сложная проблематика и как трудно даже в отдельных частных вопросах прийти к убедительному решению.

В данном случае перед исследователем встают три главных проблемы, взаимно связанные и взаимно обусловленные: 1) определить в системе языка место и функцию тех частей речи, чью самостоятельность часто подвергают сомнению (числительные, местоимения, междометия и т. п.); 2) в системе частей речи установить место и роль так называемых служебных слов (частей речи); 3) в зависимости от решения первых двух вопросов сделать вывод о системе всех частей речи с учетом иерархии их конститутивных признаков, функциональных и формальных.

И. Прежде всего необходимо в сжатом виде изложить результаты определения и классификации группы служебных частей речи, к которым я пришел в указанной выше работе.

1. Если руководствоваться наиболее существенными критериями, то статус отдельных частей речи в особо выделенной группе служебных слов следует определить таким образом: 1) предлоги (по функции их можно приравнять к падежным морфемам), 2) союзы (фразовые морфемы), 3) частицы (совершенно специфический разряд лексических морфем), 4) так называемые модальные слова (первая субъективная категория служебных слов), 5) междометия (вторая субъективная категория служебных слов, специально предназначенная для выражения субъективно-эмоциональных значений). Все эти категории, столь разнородные в формальном и функциональном отношении, объединяются своего рода связующей функцией, которая для двух последних категорий может быть истолкована в плане соотношения смысла высказывания с предшествующим высказыванием (resp.: действием). Принципиальные же различия между этими частями речи могут быть внутриязыкового характера (ср. первые три категории)².

¹ См.: J. Vuković, Povezivanje leksičkih i sintagmatskih celina u rečenici, «Radovi [Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine]» (далее — RAN BN), XLI, Odjeljenje društvenih nauka, 1971.

² Там же, стр. 58—63.

Таким образом, система служебных слов может быть представлена в следующем виде:

Служебные части речи

1. предлоги	}	1 — лексические и лексико-синтаксические морфемы
2. союзы		
3. частицы		
4. «модальные» слова	}	2 — средства субъективной оценки
5. междометия		

Текстовые и контекстуальные служебные слова

1. предлоги (падежные морфемы)	}	внутритекстовые морфемы
2. союзы (фразовые морфемы)		
3. частицы (лексико-синтаксические морфемы)		
4. «модальные» контекстуальные слова		контекстуальные морфемы

Языковые средства для выражения служебных функций

a	b	c	d	e	f
звательные «модальные» междометные предлоги союзы частицы контек-					
формы и слова и вы- слова и вы-					стуальные
выражения ражения ражения					модальные
					слова
внешние синтаксические средства и субъективная окраска			внутренние синтаксические средства		

Добавим, что в качестве внешних элементов в структуре предложения функционируют служебные средства, обозначенные здесь под рубриками *a*, *b*, *c* и *f* (о внешних фразовых элементах подробно говорится в названной работе).

2. Прежде чем приступить к формулированию критериев для анализа категориальных грамматических значений (и функций) и для определения синтаксических функций частей речи в предложениях, представляется необходимым изложить здесь общую схему классификации частей речи в системе таких языков, каким является сербскохорватский или другой типично славянский язык.

2.1. Начнем с того, что авторы новейших классификаций склонны исключать из рассмотрения такую традиционно выделяемую часть речи, как числительные. Почему? Дело в том, что числительные действительно не являются понятийными словами, как прилагательные или наречия, с которыми функционально их можно сопоставить: *десет људи* ~ *много људи*; *десет и човек* ~ (*онај*) *мали човек* и т. п.³ И хотя числительные — сугубо специфическая категория как в сематическом, так и в функциональном отношении, все же вряд ли возможно с такой легкостью (как это кажется допустимым на первый взгляд) исключать их из числа частей речи (причислять к наречиям или распределять между наречиями, прилагательными и местоимениями). Во-первых, числительные — это лексические единицы со своим особым значением, служащие для спецификации понятия количества (в то время как наречия выражают это по-

³ В сербской традиции А. Белич относит числительные к наречиям, хотя в принципе они могут функционировать и как наречия, и как прилагательные, и как местоимения (на это указывает и историческая перспектива их развития). См.: А. Белич, *О језику природе и језику развитку*, кн. I, друго изд., Београд, 1958, стр. 83.

нятие в самом общем, нерасчлененном виде); во-вторых, будучи лексико-семантическими единицами, они имеют, несмотря на все существенные совпадения с количественными наречиями, особый круг синтаксических функций. Об этом, свидетельствует, в частности, и то, что до сих пор в сербскохорватском существуют разные типы сочетаний для разных числительных *два човека, три човека, четири човека, но пет људи* и т. д., *стотина људи, хиљада људи, милион људи* и т. п. (соответственно атрибутивная, обстоятельственная и субъектная или объектная функция лексических единиц, обозначающих число).

Совершенно очевидно, что здесь представлены тройкие отношения: по форме (возможность словоизменения и частичная изменяемость), по значению (особый тип значения в рамках однозначных слов, при качественно ином охвате семантического радиуса), по синтаксической функции (которая выходит далеко за рамки функций существительных, прилагательных или наречий — прежде всего наречий, с которыми легче всего объединяют числительные). Из этого следует: числительные заслуживают статуса отдельной части речи, поскольку они имеют особое, свойственное только им категориальное значение и набор синтаксических функций.

В предложении *купио је десет плавих кошуља*, с точки зрения формально-грамматического анализа, объектная синтагма членится на управляемое слово *десет* + родительный количества *плавих кошуља* (последний состоит: атрибут + существительное). Между тем синтаксический формальный анализ показывает совсем иную картину. Словосочетание *десет плавих кошуља* представляет собой объектную синтагму (при переходном глаголе *купити*); в этой и подобной объектной синтагме центральное место в смысловом отношении занимает существительное (так же, как и во фразе *купио је плаве кошуље*). В данном случае, как это нередко бывает в системе языка, отражается дисгармония формы, с одной стороны, и значения и функции, с другой. Этим, в сущности, объясняется то, что лингвистам-теоретикам не удается найти твердых критериев для определения места такого рода фактов среди лексических категорий.

Числительные — в высшей степени сложная категория, во-первых, по способу связи с синтаксическим целым, во-вторых, по характеру деривации своих вторичных функций.

Когда речь идет о способах связи между элементами предложения, мы никак не можем обойтись без этого и подобных ему утверждений.

2.2. Когда обсуждаются задачи классификации частей речи, то вопрос упирается не только в статус числительных. Определение природы местоимений также составляет нелегкую теоретическую проблему. Приступая к анализу семантических и функциональных значений этих последних, следует с самого начала подчеркнуть, что личные местоимения 1 и 2-го лица не заменяют существительных. В действительности можно говорить о замене существительного только в том случае, когда речь идет о 3-м лице (местоимение *он* может быть употреблено лишь тогда, когда в предыдущем тексте лицо или предмет обозначено существительным, т. е. здесь налицо истинная замена). Если же личные местоимения 1 и 2-го лица в ситуации разговора обозначают говорящего и слушающего, они по своей синтаксической функции не отличаются от существительных; с точки зрения смысла они имеют, мы бы сказали, ситуативное значение, определяемое отношениями между говорящим и слушающим. В какой-то мере и их функция служебная; мы далеки от того, чтобы причислять их к разряду служебных слов и хотим лишь констатировать их субъективно-обусловленный характер, о чем очень метко говорил Э. Бенвенист⁴. Не предлагая сейчас адекватного

⁴ E. Benveniste, Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966, стр. 251—257.

термина, мы можем условно сохранить за ними название местоимений (и местоименных слов); нас не может удовлетворить термин Белича «отсылочные» слова (упуштивачке речи), поскольку местоимения *ja, ti* не означают никакой отсылки, а служат языковыми обозначениями, используемыми говорящим для называния себя самого (или себя и окружающих) и слушающего (или слушающих). Дальнейшая детализация, касающаяся лексической формы, лексической семантики и лексико-синтаксического функционирования, не могла бы нас привести ни к какому иному выводу, чем тот, по которому местоимения признаются *rag exelance* одной из главных частей речи. Это необходимо подчеркнуть хотя бы потому, что даже у самых ярких представителей современной теоретической лингвистики можно найти такие суждения относительно местоимений, которые заслуживают серьезной критики. В очень интересной работе Куриловича⁵, не касающейся специально рассматриваемых здесь служебных слов, за которыми не признается функция самостоятельных частей речи, выделяется четыре главных категории: существительные, прилагательные, глаголы и наречия на том основании, что эти четыре класса слов идентично функционируют в следующих двух отношениях: а) их основная лексическая функция является символизирующей; б) они являются «словами в подлинном смысле» (здесь Курилович имеет в виду определение слова, данное А. Мейе). Характеризуя каждую категорию в отдельности, Курилович говорит о местоимениях, что их функция указательная, а не символизирующая. Если исходить из этого, действительно, можно принять, что местоимения указывают на смысловое значение других главных частей речи — существительных и прилагательных (Белич сказал бы: отсылают к этим частям речи). Но значит ли это, что тем самым снижается функциональная значимость местоимений (если иметь в виду синтаксический план) по сравнению с четырьмя категориями, названными Куриловичем как фундаментальные? По-моему, такое допущение совершенно неприемлемо. Если, скажем, личные местоимения (и те, что не замещают существительных, т. е. по существу не являются местоимениями, и те, которые несомненно ими являются, как, например, местоимения 3-го лица) указывают на понятие, для которого обычным символом служит существительное (различие между символизацией и указанием, сигнализацией), то они в данной речевой ситуации как раз и охватывают этот предмет мысли (лицо или вещь). Личным местоимениям 1 и 2-го лица принадлежит в данном случае первое место по функциональной нагрузке даже сравнительно с существительными. Вопреки принятому представлению, они ни по своей позиции, ни по своей синтаксической функции не являются вторичными синтаксическими единицами (в том смысле, в каком Курилович определяет первичные и вторичные синтаксические функции: соотношение основных функций и их синтаксических дериваций). Когда в самом обычном смысле говорится: *Я, N.N., обязуюсь вовремя выполнить свое задание*, то первое место здесь занимает местоимение, по отношению к которому собственное имя служит не чем иным, как приложением⁶. Очевидно, что указательная функция местоимения ничуть не мешает ему выполнять ту же функцию, которую обычно выполняет существительное как одна из двух главных лексических ка-

⁵ См.: Ю. Курилович, Деривация лексическая и деривация синтаксическая, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 36.

⁶ См., например: О. Есперсен, Философия грамматики, М., 1958, стр. 90. О неприемлемости термина «местоимение» см. также: Э. Р. Атаян, Предмет и основные понятия структурального синтаксиса, Ереван, 1968, стр. 177. О категориальном значении частей речи см. также: J. Rozwadowski, Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów, в кн.: «Wybór pism», III, Warszawa, 1960. Специально о местоимениях см. в разделе «Semantyka a gramatyka» — там же, стр. 138—160 (общая критика традиционных трактовок грамматических явлений).

тегорий (существительные и глаголы) во всей языковой системе. Когда речь идет о частях речи, которые предназначены служить для смыслового обозначения лица или предмета и для их идентификации в той или иной мере, не следует понимать функции символа и сигнала (в том смысле, какой вкладывает в них Курилович) как противопоставленные и иерархически неравноправные. Наоборот, при полном их различии в морфологическом плане, они совершенно равноправны (соотносительны) в функционально-синтаксическом отношении. Рассуждая в духе основных идей Куриловича, изложенных им в названной работе, и сохраняя его терминологию, следует сказать, что синтаксическая функция личных местоимений 1 и 2-го лица ни в коем случае не является синтаксической деривацией (уточним еще следующее: Курилович имеет в виду категориальные синтаксические деривации, которые, по моему мнению, необходимо отличать от синтаксических дериваций во фразовых конструкциях и целых предложениях⁷).

Местоимения требуют специального рассмотрения в значительно более широком аспекте — не только собственно лингвистическом, но и психолингвистическом и социолингвистическом, причем следует считаться также с пересечением здесь внутрилингвистических и экстралингвистических моментов.

2.3. После того, как выше были рассмотрены более или менее аргументированно указанные части речи, уместно сказать несколько слов о категориальных функциях частей речи, как они определяются Куриловичем, а затем на основании всей совокупности этих функций сделать вывод о значении каждой части речи.

Когда Курилович пишет о междометиях: «Их функция состоит в том, чтобы выражать, а не представлять»,⁸ — это мало что говорит. Иными словами: они служат для выражения чего-то, а не для обозначения, представления, не для передачи понятия. Мне уже приходилось говорить и прежде о том, что междометия можно считать словами в широком смысле слова, однако собственно междометия не являются понятийными словами. В известном смысле их тоже можно было бы назвать сигнализирующими (*montrants*), а не символизирующими (*symbolisants*) словами.

Можно согласиться с Куриловичем, когда он рассматривает в конструкции *in/urb/-em* (= *в/город/-е*) элементы *in* и *em* как сложную морфему⁹, хотя, на мой взгляд, точнее было бы сказать, что имеем дело с двумя морфемными элементами — общим и специфицирующим, которые взаимно дополняют друг друга. Однако совершенно неприемлемой представляется трактовка количественного числительного и падежной флексии как показателей грамматического значения: *centum equites* (= *сто всадников*) анализируется как *centum/equit/-es* (= *сто/всадник/-ов*), т. е. *centum* + *-es* трактуется как сложная морфема. Следуя этой логике, нужно было бы и в сербскохорватском *била је ту/једна/стотина коњаника* признать существительное *стотина* всего лишь частью сложной морфемы. Тогда и в сербскохорватских синтагмах (в нашем смысле) *стотина коњаника* ~ *мноштво коњаника* (существительное *мноштво* по своей семантической валентности нисколько не превосходит числительное *стотина*) ~ *много коњаника* и т. п. первые члены словосочетаний следовало бы считать не более чем морфемными элементами, в свою очередь, *мноштво* + *-а* или *много* + *-а* были бы названы сложными морфемами. Вряд ли существуют достаточно весомые аргументы в пользу подобной трактовки. Таким образом, приходится еще раз признать, что мы не располагаем убедительными доводами для

⁷ См. об этом: RAN BH, XXXVIII, 12, 1969.

⁸ Ю. Курилович, указ. соч., стр. 66.

⁹ Там же, стр. 67.

того, чтобы подвергать сомнению статус числительных как самостоятельных слов вообще и как одной из частей речи, принадлежащей к первой из двух групп.

Относительно артикля в тех языках, которые его имеют, можно с полным основанием сказать, что он играет роль морфемного элемента (категориальное значение рода и числа) и составляет «подгруппу» среди вспомогательных частей речи, как они охарактеризованы выше.

Исходя из рассмотрения всех частей речи как категорий с точки зрения их категориальных функций и опираясь на содержание термина *слово* (серб.-хорв. *реч*, польск. *słowo* в отличие от более узкого по значению *wyraz*), можно предложить первоначальное распределение частей речи на две группы: а) существительные, местоимения, прилагательные, числительные и глаголы — главные части речи; б) предлоги, союзы, модальные слова и междометия — второстепенные, вспомогательные части речи. Среди категорий первой группы более полную связь с понятиями (прямое соответствие понятию) имеют существительные, прилагательные, глаголы и наречия; а более сложную, лучше сказать: опосредствованную, связь с обозначаемым имеют местоимения и числительные (каждое из последних по-своему связано соответственно с понятиями лица и предмета, числа лиц и предметов). Местоимения связываются с элементами предложения тем же способом, что и существительные, тогда как числительные имеют разнообразные формы связи с другими элементами и конструкциями.

В кругу частей речи, названных здесь главными, выделяются благодаря специфике их функционирования существительные и глаголы, которые, будучи главными, суть в то же время и нечто большее: с точки зрения общей системы функциональных критериев они являются основными частями речи. Это высшее в иерархии функций место обеспечено им их основной ролью подлежащего, с одной стороны, и сказуемого, с другой (существительное ~ глагол). Итак, ядро всей системы частей речи образуют существительные и глаголы со своими главными функциями: субъектной и объектной (существительные) и предикативной (глаголы).

II. Основной недостаток теоретических рассуждений состоит в том, что для существительных функция объекта не считается главной. Между тем, как известно, в предложениях с переходными глаголами, так же как и многими другими глаголами, означающими действие, их синтаксическое функционирование немыслимо вне связи с объектом. С более широкой, общелингвистической точки зрения очевидно, что в процессе развития языка существовало неразрывное единство трех моментов: действия, носителя действия и объекта (предмета), над которым совершается действие, а также объекта как орудия действия (кстати говоря, без этих трех моментов немыслим любой процесс труда). А это значит, что одна глагольная функция соответствует двум функциям существительного. Независимо от того, как протекали процессы формирования языковых элементов для выражения этого единства, в сознании человека, совершающего работу, должны были симультанно отражаться понятия и взаимные отношения действия, деятеля и предмета, над которым, с помощью которого и т. д. совершается действие. Предложения существовали не только в форме *Трава растет* (S + Pr), но одновременно и в форме *Человек собирает плоды* (S + Pr + O или S + [Pr + O])¹⁰. Существительное как часть речи фор-

¹⁰ Говоря о развитии человека и языка в процессе труда, следует учитывать также и неартикулируемые средства коммуникации и жесты, производимые рукой, в том смысле, как это пытались объяснить Марр и его школа. Ср.: Б. А. Серебряников, К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка, ВЯ, 1970, 2, стр. 29.

мировалось, имея целью выполнение не только субъектной, но одновременно и объектной функции. Субъектная функция, закрепленная в качестве главной за существительным, прямо противопоставлена предикативной функции глагола; объектная функция существительного входит в синтаксическую сферу глагола (глагольная синтагма). Таким образом, первичными синтаксическими функциями в развитии предложения являются: функция существительного в качестве субъекта, функция глагола в качестве предиката, функция существительного в качестве объекта. Иначе говоря, в данном случае необходимо иметь в виду смысловые отношения и представления, реализуемые в процессе трудовой деятельности. Учитывая первичные синтаксические функции в развитии предложения, можно полагать, что основными первичными формами предложения были: $S + Pr = \text{Трава растет}$; $S + Pr\ sg$ (предикативная синтагма) = *Человек собирает плоды* ($Pr\ sg = Pr + O$); $Pr = \text{Грохнет!}$ (о громе).

Иными словами, все зависело от представлений, развивавшихся в области глагольной семантики (обозначение состояния, события или действия). Семантической сфере состояния мог быть необходимым только субъект; сфере события присущ только субъект или же могло быть достаточно одного лишь глагольного значения (односоставное предложение); семантической же сфере действия требовалось и еще одно смысловое отношение — глагольно-объектное; без этого последнего семантика действия превращается в семантику состояния, ср. *Человек поет песню* и *Человек поет в театре* и т. п. Из этого следуют и два частных вывода: 1) предложение с глаголом действия (если значение действия переходно в полном смысле этого слова) может быть законченным в смысловом и интонационном отношении, только если оно трехчленно ($S + Pr + O$), 2) объект придает предложению характер полнозначного синтаксического целого в данном типе предложений, а это значит, что объект служит третьим конститутивным членом предложения и что в распространенном предложении он входит вместе с субъектом и предикатом в основную, ядерную часть предложения¹¹.

Причиной того, что в лингвистике вплоть до настоящего времени уделяется недостаточное внимание реальному функциональному соотношению субъекта, предиката и объекта, являются, на мой взгляд, два обстоятельства: 1) самым элементарным типом предложения является двусоставное предложение (*Человек работает*; *Снег идет* и т. п.). С формальной точки зрения существует параллелизм между *Человек работает на фабрике* и *Крестьянин сеет пшеницу* и т. п.; 2) объектная функция находится в зависимости от предиката, подобно тому, как от него зависима адвербиальная (обстоятельственная) функция; как одна, так и другая могут быть выражены падежными формами существительного (ср. *сеет пшеницу*, *сеет на поле*). Между тем такой подход пренебрегает иерархией функций: по отношению к глаголу действия объектные функции (особенно функция прямого объекта при переходном глаголе) являются первичными, а обстоятельственные функции занимают иерархически более низкое положение, их можно назвать вторичными. Для того чтобы предложение было законченным, достаточно сказать: *сеет пшеницу* (если мы желаем придать действию полное первичное значение). Если же мы хотим сказать: *сеет в долине, на возгорье* и т. п. или *вон там в долине, на поле сеет* и т. п., то для оформления нашей мысли это не имеет существенного значения. Иначе говоря, модель предложения первого типа $S + (Pr + O) / = S + Pr\ sg /$ не может быть подвергнута трансформации (или можно сказать: преформации) без

¹¹ См. об этом подробно: J. Vuković, Osnovi za savremenu obradu srpskehrvatske rečenice, RAN BH, XXXV, Odjeljenje društvenih nauka, 12, 1970.

изменения смысла, поскольку она всегда имеет свою собственную грамматическую форму: существительное + личная форма глагола + существительное в винительном падеже (разумеется, мы абстрагируемся от форм родительного падежа в функции прямого объекта, так же как и от некоторых деталей грамматического и грамматико-стилистического характера в разных славянских языках). Между тем предикативную синтагму второго типа можно выразить и иным способом: *Он пошел на луг* → *Он ушел. Он на лугу* и т. п. Совсем другой случай представляет трансформация типа *Он сеет* → *Он сеет пшеницу* — здесь изменяется смысл предложения, поскольку в первом примере назван характер действия без его спецификации (переходный глагол выступает в данном случае как потенциально переходный, чья переходность в полном смысле не реализована).

В свете предложенного понимания синтаксических функций проблема соотношения лексических элементов и синтаксического целого кажется еще более значимой.

III. Ради наглядности и простоты изложения в рассмотренные выше формулы и иллюстративные примеры не вводились местоимения как часть речи. Между тем, логика развиваемых здесь идей требует и в данном случае внимания к функциональному соотношению существительных и местоимений с точки зрения их иерархии. Во всех основных функциях по линии субъект — предикат — объект личные местоимения занимают равноправное положение с существительными. Основные типы предложений и все их модели (не считая всех возможных дальнейших модификаций за счет распространения синтагм с атрибутивными функциями) полностью идентичны независимо от того, выполняют ли функции субъекта (resp.: объекта) существительные или местоимения. Вот почему, когда речь идет о синтаксических функциях, личные местоимения следует ввести в самый узкий круг главных частей речи, т. е. в тройку основных (основных главных) частей речи. Примечательно, что если в смысловом отношении местоимения (сравнительно с существительными) носят дистрибутивный характер (дистрибуция смысла в зависимости от переменчивой роли собеседников), то в синтактико-функциональном отношении местоимения параллельны существительным (синтаксический параллелизм).

Необходимо подчеркнуть еще и следующее: местоимения в широком смысле (с учетом всех их разрядов) по своим основным функциям не входят в выделенный выше круг главных частей речи — очевидно, что к этим последним могут быть отнесены только личные местоимения. Именно эта гетерогенность функций не позволяет поставить местоимения в целом в один категориальный ряд с существительными. В связи со сказанным можно сделать следующий вывод: иерархически высшее место принадлежит глаголам и существительным (причем приоритет принадлежит глаголам), затем идут местоимения (как сложное целое в смысле категориальных значений), составляющие переходное звено между этими иерархически высшими категориями и следующими тремя (прилагательные, наречия и числительные), которые занимают второстепенное место среди главных частей речи (см. табл. 1).

Что касается остальных категорий в группе главных частей речи, то необходимо специально подчеркнуть функциональный параллелизм между прилагательными и наречиями. Подобно тому, как прилагательные занимают подчиненное положение по отношению к существительным, наречия являются зависимыми по отношению к глаголу. Легче всего проследить этот параллелизм на примере прилагательных и наречий общего этимологического происхождения, ср. *у м н ы й ребенок* и *ребенок у м н о говорит*. В том и в другом случае дается квалификация понятия, выраженного независимым членом синтагмы (ср. также *здесь* —

здесь и т. п.). Заметим, что в случае квалификативного значения наречие заимствует свою неизменяемую форму от изменяемой формы прилагательного (ср. серб.-хорв. *лијеп* — *лијепо*); при выражении пространственных значений прилагательные образуются путем деривации от наречий (ср. *овде* — *овдашњи*, *тамо* — *тамошњи* — исторически образование местоименных прилагательных от наречий). Следует учитывать еще и функционально-синтаксический путь деривации наречий: древние падежные формы *gorě*, *dolě* (локатив) → наречия *горе*, *доле* и т. п. Налицо функциональный параллелизм: прилагательное + существительное (их характерный признак — изменяемость) / наречие + глагол (характерный признак наречия — неизменяемость). Тот факт, что притяжательные прилагательные не имеют соответствий в разряде наречий (а именно это составляет различие указанного параллелизма), касается смысловых, а не функционально-синтаксических отношений.

Сходство между отношениями атрибута к существительному, а наречного обстоятельства к глаголу заключается еще и в том, что и одна и другая синтаксическая единица выступают обычно в падежной форме (*стајао је на бријегу* «стоял на пригорке» / *она кућа на бријегу* «тот дом на пригорке» и т. п.).

IV. В новейших лингвистических работах часто и не без основания подчеркивается, что в функциональной иерархии в предложении глаголу принадлежит первое место, что предикативная функция глагола составляет ядро предложения¹². Это вполне согласуется и с нашим выводом о том, что глагол занимает первое место среди основных частей речи (существительные с местоимениями и глаголы).

1. Если предикату приписывается иерархически наивысшая роль среди элементов предложения, то точно так же следует определять иерархическую роль триады «субъект — предикат — объект» (если последний необходим в предложении) и лишь затем говорить о возможности дальнейшего распространения (expansion) второстепенных элементов предложения¹³. Это можно показать на примере приводимого А. Мартине предложения *Соседские собаки едят суп* (*Les chiens de la voisine mangent la soupe*). Мартине относит здесь объект *суп* (*la soupe*) к «элементам экспансии», указывая, что сегменты *соседские* (*de la voisine*) и *суп* (*la soupe*) могут исчезнуть, а высказывание не перестанет существовать: *собаки едят* (*les chiens mangent*)¹⁴. Но в этом случае ядро предложения уже не будет тождественно тому, что было. Глагол *есть* выступает в трех семантических вариантах: а) как переходный глагол — *едят суп*, *мясо* и т. д.; б) как непереходный глагол, обозначающий пребывание в состоянии глагольного действия (потенциальная переходность); в) как непереходный в полном смысле слова со значением «иметь способность совершать действие еды». При анализе подобных предложений можно воспользоваться критерием, который был удачно сформулирован Мартине «для идентификации и ограничения предложения»: им «является не грамматическая структура высказывания, а колебания его мелодической кривой»¹⁵. Если сравнить мелодическую кривую

¹² См., например: L. T e s n i è r e, *Esquisse d'une syntaxe structurale*, Paris, 1953; е г о ж е, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959, стр. 13; K. B ü h l e r, *Sprachtheorie*, Stuttgart, 1963, стр. 379; A. M a r t i n e t, *La linguistique synchronique*, Paris, 1968, стр. 225 и сл.

¹³ Под термином «экспансия», «элементы экспансии» Мартине подразумевает такие единицы предложения, элиминация которых не нарушает смысловую и интонационную завершенности предложения (указ. соч., стр. 225). В данном случае критерий и метод анализа Мартине совпадает с тем, что мы находим у Сепира (E. S a p i r, *Le langage*, Paris, 1935).

¹⁴ A. M a r t i n e t, указ. соч., стр. 224.

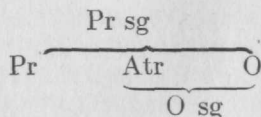
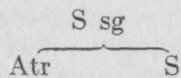
¹⁵ Там же, стр. 227.

(фразовую интонацию) *собаки едят* (завершенная кривая) и *собаки едят суп* (для этого случая *собаки едят* — незаконченная кривая, получающая завершение только в составе *собаки едят суп*), то становится ясно, что существование данного высказывания формально обусловлено и семантически определено вторым значением первого ядерного элемента. А этот факт имеет немалое значение для установления иерархии фразовых отношений¹⁶. В данном случае проблема внедрения в синтаксический анализ и согласования друг с другом формальных и функциональных критериев предстает во всей своей сложности.

Более удачный пример — *Сестра нашла мою ручку* — приводит А. М. Мухин, согласно концепции которого объект не входит в число основных (ядерных) элементов (компонентов) структуры предложения¹⁷. Если Мартине на основе элиминации второстепенных членов предложения исключает объект из иерархии главных членов предложения (*les chiens ... mangent ...*), то сам по себе пример Мухина, который не смог выйти за пределы формального критерия анализа, приводит к иному заключению. Если в предложении при глаголе, не могущем нейтрализовать свое значение переходности (таков глагол *найти* и многие другие переходные глаголы), имеется объект, то он не может быть устранен без нарушения субъектно-предикативного предложения. Предложение *Сестра нашла* ничего не означает (если только в контексте не подразумевается объект — *ручку*). Вообще говоря, когда речь идет о функциональной характеристике глагольного сказуемого, нельзя ожидать серьезных результатов, если, помимо прочего, не учитывать семантическое отношение между активными, пассивными и медиальными глагольными значениями. В предложении *Видео сам голуба на олуку* «Я видел голубя на водосточной трубе» можно исключить только обстоятельственный элемент (*на олуку*), тогда как аккузатив (*голуба*) в той же мере обуславливает существование именно данного предложения, что и скрытый субъект. Глагол *видети* сам по себе может создавать предложение (он как предикат обеспечивает существование предложения) только в значении «иметь способность зрения». Анализ Мухиным приведенной выше фразы обнаруживает и другие недостатки, помимо разграничения на ядерные и неядерные компоненты. Если в это предложение добавить еще один второстепенный член: *Наша сестра нашла мою ручку*, тогда при первом членении мы получим: субъектная синтагма (*наша сестра* S sg) + предикативная синтагма (*нашла мою ручку* Pr sg); дальнейшее членение даст:

- а) S sg = Atr + S (атрибут + субъект)
 б) Pr sg = Pr + O sg (предикат + объектная синтагма)
 в) O sg = Atr + O (атрибут + объект)

Эти отношения можно изобразить так:

¹⁶ Касаясь возможности выделения субъекта и предиката в отрыве от его объекта в качестве главной части предложения, причем в таком случае все остальное (в том числе, следовательно, и объект) относилось бы к второстепенным членам предложения, Сепир совершенно справедливо говорил, что «подобный анализ чисто схематичен и лишен психологической ценности» (указ. соч., стр. 30).

¹⁷ А. М. М у х и н, Структура предложений и их модели, Л., 1968. Следуя его терминологии (стр. 108—109), «ядерные компоненты» это такие, которые входят в структурную основу предложения, а «неядерные» — те, которые в эту основу не входят. В субъектно-предикативной форме Мухин видит лишь двухъядерную (двухкомпонентную) структуру; структура, в которой субъектная функция представлена на нулевой ступени, называется им «одноядерной».

Характер отношений: а) в субъектной синтагме ядерный (основной) член — субъект, неядерный (второстепенный) — атрибут; б) в предикативной синтагме ядерный член — предикат; в) в объектной синтагме ядерный член — объект, неядерный — находящийся при нем атрибут; г) ядерным членом всей синтагмы служит предикат. Казалось бы, основу фразовой структуры составляют только два члена ($S + Pr$), но это лишь на первый взгляд: особенность предиката состоит в том, что будучи самым главным конститутивным членом структуры предложения, более того: главным организатором структуры предложения, он распространяет свою функцию в двух направлениях — на субъект и на объект, т. е. глагол в функции сказуемого обладает способностью внутри своей синтагмы (словосочетания) формировать двухъядерную структуру: предикат + объект. Только на этой двухъядерной основе возможно развертывание («экспансия» по Мартине) устранимых элементов предложения (или уже: синтагмы), с помощью которых может быть распространено основное ядро — предикативная синтагма; причем все эти дополнительные элементы можно устранить, не изменяя семантики первичного, самого главного члена предложения — глагольного сказуемого. Добавим еще, что предикативно-объектное ядро может существовать и вне связи с предикативно-субъектным ядром (нулевая функция субъекта). Например, *Ударило га по глави* [ядро: $(Pr + \emptyset)$], *Убило га пушкой* ($Pr + \emptyset$), *Убило га*, *Претргло га* — полноправные предложения, имеющие вид $Pr + \emptyset$ ($\emptyset$ означает нулевую степень субъекта).

Все сказанное имеет значение лишь в том случае, если модели глагольных предложений строятся с учетом семантических особенностей лексических глагольных категорий. Именно так, по нашему мнению, и следует подходить к синтаксическому анализу.

Что же касается объекта как третьего ядерного члена в предложении, где предикат характеризуется двойкой связью — с субъектом и с объектом, то здесь необходимо хотя бы в самом общем виде проводить различие между а) объектом в первичной функции (третий главный член предложения) и б) объектом во вторичной функции (второстепенный член предложения). Прямой объект как обязательный член предикативной синтагмы (особенно если известна семантика глагола в плане переходности) занимает по своей природе ядерное место в содержательной структуре предложения (*Сестра је нашла књигу*).

Однако здесь встает вопрос: как определить с этой точки зрения непрямой, косвенный объект? В данном случае надо исходить из семантики глагола, образующего синтагму. К сожалению, синтаксисты пренебрегают этим аспектом при рассмотрении синтаксических отношений в предложении. Во фразе *Причао је један човек* объект потенциально присутствует, подразумевается (*некоме*); а в предложении *Брко ми је причао*, где отношение между говорящим и слушающим выражено эксплицитно, объект (косвенный) функционирует на уровне прямого объекта при переходном глаголе (ср. *Пси једу суну*).

Если в предложении *Сестра ми је дала књигу* можно говорить об иерархии: 1) *је дала* (член 1 степени), 2) *сестра* (член 2 степени), 3) *књигу* (член 3 степени), 4) *ми* (член 4 степени), то эти иерархические отношения сразу меняются, когда фраза приобретает такой смысл: *Сестра је м е н и дала књигу*. Если даже косвенный объект такого рода и не достигает ранга одного из главных (ядерных) членов предложения (т. е. он входит в состав второстепенных членов предложения в предикативной синтагме), то это возможно только при условии, что в одном и том же предложении присутствует объект в дательном и объект в винительном падеже. Однако если в предложении *Послао сам му новац*, объект в дательном падеже можно отнести к категории вторичных (неядерных) членов предложения, то воз-

Таблица 1

Части речи	Группы частей речи	Подгруппы	Основные функции ¹	Специфические особенности
1) глаголы	главные	первичные (основные) категории	предикативная	морфологически зависимая и функционально главная часть речи
2) существительные			а) субъектная б) объектная	морфологически главная функция
3) местоимения		переходная категория	а) субъектная б) объектная (личные местоимения)	функциональный параллелизм: а) с существительными, б) с прилагательными
4) прилагательные 5) наречия 6) числительные		вторичные категории	атрибутивная обстоятельственно-атрибутивная а) обстоятельственная б) атрибутивная	1 к существительным к глаголам по отношению к глаголу по отношению к существительному
7) предлоги 8) союзы	вспомогательные	грамматические морфемы	падежная (морфема) словосочетательная или синтаксическая	
9) частицы		переходная категория	лексическая или синтаксическая морфема	разнородность морфологического или синтаксического характера
10) модальные слова 11) междометия		синтаксические слова и морфемы	фразовые слова или морфемы фразовые неполнозначные слова	3 полнозначные или неполнозначные лексические единицы неполнозначные единицы

¹ Арабские цифры в графе «Основные функции» означают: 1 — параллельные зависимые отношения; 2 — переходные функции; 3 — внешние члены предложения.

можно ли это по отношению к предложению *Сестра ми је писала* (обратим внимание на лексико-семантический характер глагола *писати*, в котором нейтрализовано значение переходности)? Иначе говоря, всякое падежное значение в функции объекта имеет свои особенности, с которыми нельзя не считаться. Следует различать случаи, когда в качестве объектов (прямого и косвенного) выступают аккузатив и датив, с одной стороны, и аккузатив и инструментальный — с другой. Например, в предложении *Тесао је дрво брадвом (а не секиром)* объект в инструментальном падеже является (как и всегда, когда он выступает в сочетании с аккузативом) вторичным (неядерным) членом предложения. Правда, в случаях типа *Пишем наливпером, фломастер-оловком, оловком* и т. п. инструментальные формы не могут быть элиминированы, без них фраза не может сохранить полноценное для данной ситуации значение глагольного предиката.

Если принять во внимание все сказанное, то приходится признать, что вопрос об основном комплексе в структуре предложения, начиная с которого предложение может развиваться, осуществлять свою «экспансию» для передачи содержания, остается открытым. Сведение трехчленного отношения «субъект — предикат — объект» к двучленному «субъект — предикат» представляется несостоятельным. Необходимо считаться с лексико-семантической природой глаголов, которые разным образом приспособлены к тому, чтобы выполнять свою главную, ядерную функцию в форми-

ровании структуры предложения, и это, по-моему, не подлежит сомнению. В этом следует видеть еще одно доказательство того, что при решении столь сложных проблем должны одновременно применяться критерии функционально-синтаксической и лексико-семантической в тесной связи друг с другом.

2. Во все наши построения необходимо включить шире, чем это обычно делается, общую проблему отношения между субъектом и предикатом, которая даже в новейших синтаксических работах недостаточно разработана. Без широкого взгляда на отношения между субъектом и предикатом, с одной стороны, и предикатом и объектом, с другой, трудно, учитывая функциональную взаимосвязь психологических и семантических отношений, решить вопрос об иерархии синтаксических функций, так же как и вопрос о самом субъекте, его форме и функции. Помимо всего прочего, необходимо широкое изучение фразовых структур, сравнение грамматических форм в родственных и неродственных языках. Необходимы также углубленные наблюдения над глагольно-именными отношениями. Отношения между субъектом и предикатом, с одной стороны, и предикатом и объектом, с другой, тесно связаны друг с другом, и синтаксистам придется все больше и больше с этим считаться.

3. Как результат анализа можно предложить здесь общую схему частей речи и их категориальных значений (см. табл. 1).
